

А. Ф. ЛОСЕВ

Боккаччо о Прометее

Накануне Нового времени мы встречаемся с латинским трактатом знаменитого *Боккаччо* «Генеалогия богов» (1373). Боккаччо излагает античную мифологию с разными вымыслами и домыслами, которые ни в коей мере не характерны для античной мифологии. Но для истории Прометея как символа этот труд Боккаччо имеет значение, поскольку в нем не только излагаются все основные мотивы мифа о Прометее, но и довольно ясно проводится то понимание этого символа, которое характерно именно для Нового времени. Сначала рассмотрим подробно то, что Боккаччо говорит о Прометее, а потом дадим оценку этому Прометею Боккаччо с точки зрения истории символики Прометея.

Боккаччо излагает известные ему источники по греческой и римской мифологии.

Прометей, сын Япета и Азии, отличался острым умом и был первым, кто изготовил статую глиняного человека, которого Юпитер превратил, однако, в обезьяну. Прометея Овидий также называет первым вылепившим человека из глины¹. Сервий и Фульгенций добавляют, что этот вылепленный из глины человек был лишен дыхания² и Прометей одухотворил его, похитив при помощи Минервы с колесницы Феба небесный огонь. Прометей был за это прикован к скале на Кавказе, а на людей, как говорят Саффо и Гесиод, боги послали беды: болезни, печали и женщину³, а по словам Горация — только бледность и лихорадку⁴.

Боккаччо считает необходимым истолковать эту совокупность мифов, однако находит задачу чрезвычайно трудной. Прометей, по его мнению, двойствен, как двойствен и сам человек: это — всемогущий Бог, произведший человека из земли; с другой стороны — это

человек Прометей, о котором Теодонций якобы читал где-то, что этот Прометей в молодости, будучи увлечен жаждой ученых занятий, оставил на своего брата Эпиметея жену и дочерей, уехал учиться мудрости в Ассирию, а после удалился на вершину горы Кавказ, где усовершенствовался в созерцании и астрономии. Вернувшись затем к людям, он научил их астрологии и нравам и таким образом как бы сотворил их заново. Точно так же двойствен и сам человек: в своем природном состоянии он груб и невежествен и нуждается в воспитании со стороны ученого, который, дивясь такому созданию природы, как человек, и видя его несовершенство, как бы с небес наделяет его мудростью. Одиночество Прометея на Кавказе означает, по Боккаччо, необходимость уединения для приобретения мудрости. Солнце, от которого Прометей берет огонь, означает единого истинного Бога, просвещающего всякого человека, грядущего в мир. Наконец, пламя, одухотворяющее человека, — это свет учения в груди глиняного человека. Ту часть мифа, где Прометея насильно отводят на Кавказ и приковывают там, Боккаччо считает неистинной ввиду чисто человеческого заблуждения, будто боги могут сердиться на кого бы то ни было из людей. Прометей отправился на Кавказ по своей воле, ведомый мудрым посланцем богов Гермесом. Орел соответствует высоким помыслам Прометея, тревожащим его, а восстановление его тела после укусов орла — внутреннему удовлетворению мудреца по нахождении истины. Итак, Прометей во втором смысле был человек, учитель мудрости.

Если давать общую оценку толкованию мифа о Прометее у Боккаччо, то мы прежде всего убедимся в том, что Боккаччо избегает слишком суровых и слишком жестоких моментов этого мотива. А в связи с этим получает особое знание и сама личность Прометея. В то время как у Эсхила Прометей является по крайней мере двоюродным братом Зевса, если не прямо его дядей⁵, то у Боккаччо Прометей вовсе не бог, а самый обыкновенный человек. Во всяком случае божественного в нем несколько не больше, чем обыкновенного человеческого. Но человек этот — мудрый, ученый, много знающий. Он хочет научить этой мудрости и всех Других людей. О том, что он похитил огонь с колесницы Аполлона, во-первых, этот огонь и свет принадлежат единому и истинному Богу, а во-вторых, никто не находит в этом никакого преступления. И никто Прометея не наказывает. А если он проводит известное время на Кавказе, то только потому, что Прометей сам искал уединения, необходимого для того, чтобы углубить свою мудрость. По Боккаччо выходит также и то, что никакой орел вовсе и не терзал печени Прометея.

Орел — это только те высокие помыслы, которые терзают всякого мыслящего человека, ушедшего в уединение для большей глубины своей мудрости.

Согласно Боккаччо, Прометей двойствен в такой же мере, в какой двойствен и всякий человек. И сейчас, в перспективе шестисот лет, мы прекрасно понимаем, почему Боккаччо, один из предначинателей новоевропейского мировоззрения, заговорил именно о двойственности и человека вообще и его прообраза — Прометея. Человек Нового времени настолько сильно ощущал свою личность, свой субъект и свое творчество, что всегда готов был отождествить себя с абсолютным существом, то есть с богом. А с другой стороны, Прометей, как прообраз самого обыкновенного человека, поехал учиться в ученую страну, оставил свою семью и даже предавался уединению на Кавказе. При этом само творение людей Прометеем Боккаччо, по-видимому, совсем не принимает всерьез. А всерьез он принимает обучение людей наукам, которые как бы и творят бывших жалких невежественных и неученых людей совершенно заново. Насколько можно судить, по Боккаччо, это и есть подлинное творение человека, а не то творение из глины и земли, о котором говорят античные мифы.

Другими словами, Прометей как символ получает у Боккаччо совершенно новое толкование, а именно характерное для Новой Европы. Прометей здесь — символ науки и мудрости, которые требуют от человека многих усилий и многих лишений, заставляют часто страдать, уединяться и создавать науки. При помощи них человечество в дальнейшем будет только воскресать и как бы твориться заново. Нам думается, что для XIV в. Боккаччо достаточно глубоко и ясно очертил символику Прометея уже не в античном и не в средневековом смысле, а именно в новоевропейском смысле, то есть в смысле созидания, развития (часто мучительного) и преподавания наук для целей личного обучения людей и для целей всеобщего исторического прогресса.

